

Илья Тё

КОРЕЙСКИЙ КОРИДОР ВАЛГАЛЛА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Корейский коридор

Илья Тё

Корейский коридор. Валгалла

«Автор»

2026

Тё И.

Корейский коридор. Валгалла / И. Тё — «Автор»,
2026 — (Корейский коридор)

Роман опубликован в бумаге в 2012м году. Номинация на премию "Серебряная стрела", Лучший женский образ (Кити) Авторский текст (не издательства!) Мисс Мэри, длинноногая студентка из России оказывается в Сеуле в день Апокалипсиса. Большой Адронный коллайдер и каннибалы. Дикие ганги и кавалерийский клинок. А также немного религии. Точнее - надежды и веры. Лит-манга. Лит-дорама. Ужасы. Боевик. Эротика.

Содержание

ПУЛЯ 1. ТАМОЖНЯ ДАЁТ ДОБРО	5
ПУЛЯ 2. РАЗВЕДКА БУЕМ	16
ПУЛЯ 3. МИФЫ МЕГАПОЛИСА	24
ПУЛЯ 4. ВСЕ КРАСКИ ФЛАГА	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Илья Тё

Корейский коридор. Валгалла

ПУЛЯ 1. ТАМОЖНЯ ДАЁТ ДОБРО

Утро выдалось солнечным, но колючим от восточного ветра, который словно подгонял Рика в сторону Голубого дома. Пустынные улицы вокруг здания казались вымершими – ни души, ни привычных патрулей. Рик ехал на велосипеде – благо в трофеях «РобинГуда» можно было отыскать и не такое чудо техники. Большинство велосипедов за тридцать лет Анабиоза, естественно, скончалось, превратившись в ржавую труху. А новых, как можно догадаться, никто не производил. И всё же по Мегалолису колесило немало таких вот уцелевших двухколёсных машин – просто потому, что до Анабиоза велосипед тут был довольно популярным транспортом и количество экземпляров этой «самоходной» техники измерялось, реально, миллионами штук. Какой-то процент выжил, сохранившись в закрытых герметичных подвалах, закрытых гаражах, на сухих складах – и его было достаточно.

Рик ловил баланс на неровном асфальте, чувствуя, как холодный ветер пробирается под куртку. Велосипед скрипел, но ехал – и это уже была большая удача.

К миссии «разведчика» Рик подготовился тщательно. Его рюкзак, безразмерный и потрёпанный, был туго набит банками консервированной ламинарии и мешочками с пакетированным чаем, а две драгоценные упаковки с натуральным ароматным кофе Рик с величайшей осторожностью спрятал на дне сумки с инструментами – на случай обыска. Там их было легко найти.

Ближе к Голубому дому Рик слез с велосипеда, чтобы не вызывать подозрений и не провоцировать бандитов лишний раз. Образ Рика тут же преобразился. Теперь весь его вид – от потупившегося глуповатого взгляда до нарочито неловкой походки, с которой он шлёпал по ломаному асфальту, – должен был кричать: перед вами – неумеха-торгаш, у которого больше жадности, чем мозгов.

В то же время его прямая, уверенная осанка, крепкие плечи и атлетическое сложение в сочетании с добротным, выдавшим виды оружием служили безмолвным, но красноречивым предупреждением для любого, кто вознамерился бы его обчистить: этот нелепый человек сможет постоять за себя и постоять жестоко.

Оружием, кстати, Рик обвесился как новогодняя ёлка, только увешанная смертоносными игрушками вместо украшений: на поясе сбоку – короткий нож в потёртых ножнах, на поясе за спиной – длинный кинжал, с наведённым, как бритва, лезвием; в отдельной наплечной портупее – лёгкий метательный топорик, а в левой руке – древко самодельного копья, закинутого на плечо, немного на перевес.

Грудь и плечи защищала толстая куртка-косуха, потёртая временем и ветрами. Под грубую кожу куртки был вшит своеобразный панцирь – пластмассовые и металлические щитки. На голове красовался мотоциклетный рокерский шлем, некогда яркий и чёрный, а ныне – немного облезлый и сильно поцарапанный, зато с двумя наивно-угрожающими рожками – не Бог весть что в смысле безопасности, но от внезапного удара битой или молотком по черепу вполне мог защитить.

В общем, экипирован Рик был на славу, являя собой этакую живую ходячую крепость, правда, экипированную из мусора. Нападать же на бойца, настолько готового к вооружённому сопротивлению, в Мегалолисе было не принято – ведь любое, даже самое незначительное ранение для любого из нападавших в этом мире бесконечной помойки и ржавого железа – означало

верную, медленную и мучительную смерть. Ввиду отсутствия как медиков, так и медикаментов.

За полтора метра до Голубого дома, прямо перед Центральным рынком – первым стихийным торжищем пост-анабиозного Мегалополиса – хозяева окрестных руин, «Банда Топоров», устроили подобие таможенного поста.

Над входом, на кривой П-образной балке, немощно и вызывающе – словно не поднявшийся утром хер – болталось красное полотнище, выцветшее под бесконечными дождями и недобрый солнцем. На полотнище алела примитивная бандерлогская символика: два перекрещенных топора, намалёванных грубой краской.

Рик приблизился к убогой будке, сколоченной из ржавых листов и гнилых досок, что служила здесь подобием контрольно-пропускного пункта. Остановился и громко кашлянул. Его появление сразу привлекло всеобщее внимание, нарушив унылую, пропитанную запахом пыли и голода рутину. Два здоровяка с топорами на плечах неспешно вывалились из тёмного проёма наружу, их глаза, жадные и внимательные, принялись оценивающе, с беспристрастностью мясников, оглядывать новичка.

Вокруг, словно стервятники, слетевшие на зрелище как на добычу, тут же собралась разношёрстная толпа зевак – тощие, высохшие мужчины с пустыми рыбьими глазами – явно не бойцы, а рабы или подручные местных торговцев, чьи жизни стоили немногим больше, чем они сами могли унести на своих костлявых спинах. А также несколько девушек, функциональные обязанности которых вполне прозрачно можно было определить по их истощённым телам и сильно «по-юзаному» виду. Все местные «леди» явно делились на две категории: помощницы торговцев, снующие по рынку с товаром, и, собственно, «товар».

В голодном Мегалополисе, этом гигантском склепе падшей цивилизации, где человечина и горсть тусклого риса стали главной местной валютой, торговля людьми оказалась самым ходовым бизнесом. Проститутки конкурировали с бесправными рабынями, но разница в их положении была призрачной, тонкой, как паутина. И те, и другие, в конечном счёте, работали лишь за скудную еду – разве что «вольные» изредка получали чуть более калорийный паёк. Да и многие владельцы рабынь, включая самих Топоров, быстро смекнули, что хрупких, измождённых девушек куда выгоднее и экономичнее использовать в наскоро организованных борделях, чем пытаться заставить слабые тела таскать грузы и разбирать завалы.

Рик стоял неподвижно, как скала посреди этого людского моря, делая вид, что нервничает. Впрочем, он и правда нервничал – его пальцы слегка подрагивали, а взгляд беспокойно бегал по сторонам. Так что на испуганного торговца он точно – вполне себе походил. Охранники медленно приближались, тяжёлыми, размеренными шагами. Лезвия топоров поблёскивали в косых лучах утреннего солнца холодно и зловеще. Грязные пальцы крепко сжимали засаленные, столь же грязные топорщица. А вокруг уже начинал звучать настороженный, полный любопытства шёпот – всем, от последнего мелкого носильщика до самой стройной из проституток, было до жути интересно, чем закончится эта маленькая проверка «купца-новичка» – кровавой трагедией или скучным фарсом.

– Куда прёшь, млять... Без спросу... Понаехали, понимаешь... – лениво растягивая слова, поинтересовался у Рика один из таможенников, самый крупный. Его голос, хриплый и глухой, прозвучал с нарочитой, почти театральной небрежностью, словно он давно знал все ответы, но спрашивал лишь для проформы, чтобы соблюсти некий извращённый ритуал.

– Я то?.. Да я вот... На рынок пришёл... – Рик начал путано объяснять, пытаясь изобразить волнение. – Я торговать хочу... Простите... ну... Вот товар, – и он чуть дёрнул спиной, заставив рюкзак на плечах подпрыгнуть. Его пальцы почему-то начали нервно перебирать лямки рюкзака, глаза забегали по сторонам, а сердце бешено застучало. Но не от страха перед этими людьми – а скорее от осознания хрупкости собственной лжи. Впрочем, реальный одинокий торговец, в первый раз выбравшийся с относительно ценным товаром в район печально

знаменитого Ганга Топоров, должен был волноваться значительно сильнее, чем реальный Рик, неоднократно этих самых Топоров «мочивший в сортире». Или, во всяком случае, помогавший их «мочить» неистовой крошке Кити. Так что Рик старался как мог – глотал слова и даже слегка заикался.

Эта нелепая школьная самодеятельность, видимо, пришлась по душе местному «таможенному посту». Один из бандитов, широкоплечий, с лицом, изборождённым шрамами, усмехнулся, словно наблюдал за потешным зрелищем. Другой покровительственно похлопал Рика по плечу, приказал «не волноваться». Потом снял с новоявленного «малого предпринимателя» рюкзак и принялся деловито его обыскивать. Его пальцы, грубые и привыкшие к насилию, рылись среди тряпья и свёртков с преувеличенной тщательностью, будто ожидали найти какой-то запрещённый к продаже предмет (например, работающий пистолет) или, что куда хуже, – «обман». За которым, безусловно, тут же последовало бы «убийство».

Впрочем, Рик знал, что Ганг Топоров в последние недели старался не просто ловить и убивать всё живое в округе, но худо-бедно пытался наладить какую-то видимость цивилизованной жизни – пусть и с человеческим мясом в качестве денежного эквивалента.

Поэтому не только в центре, но и в других районах крупные и сильные ганги пытались организовать стихийные рынки, где торговцам-коммивояжёрам (то есть, по сути, «купцам», путешествующим с товаром из района в район) гарантировалась относительная безопасность, хотя и сопряжённая с налогами и пошлинами.

Промышленных изделий и специфических продовольственных товаров – таких, например, как чай, кофе, соль, сахар, перец, табак, чулки, носки, инструменты и миллион других необходимых мелочей – ощущалась острая нехватка.

При этом в многомиллионном мегаполисе тут и там такие предметы и запасы должны были сохраниться.

Перерывать руины гигантского города ганги, естественно, не могли.

Но вот организовать торговлю, чтобы выменивать на мясо и рис такие ценные предметы у тех, кто уже ими обладал, но прятался среди развалин, – была идеей здравой.

Так что убить Рика тут точно не должны были, ганги, вопреки своей кровожадной природе, сейчас действительно старались привлекать бродячих торговцев по максимуму.

Наконец, Топоры закончили обыск. Один из них, широкоплечий детина с шрамом через губу, небрежным жестом швырнул рюкзак обратно Рикю, словно проверяя его реакцию.

– Кофе в пачках – это отличный товар! – заявил другой, помоложе, но с глазами старого шакала. Его пальцы любовно погладили одну из пачек. – Одна пачка нам – это входная пошлина. Вторую можешь продать на рынке. – Он сделал театральную паузу, наслаждаясь моментом. – Возражения есть?

Все трое Топоров пристально уставились на Рика, их взгляды, тяжёлые как свинец, изучали его реакцию. Мир после конца света был не полностью адекватным, и кто-то из торгашей, после подобной обдираловки, мог и за оружие схватиться. Но, конечно, не Рик. Он лишь вздохнул, искусственно опустив плечи, изображая покорность мелкого торговца перед неизбежной суровостью всякой власти.

– Дорого, – прошептал он, намеренно опустив глаза, – но возражений нет. – Затем, будто осмелев, добавил: – Я собираюсь тут регулярно появляться. Буду такой чай регулярно приносить. – Его голос дрогнул с идеально рассчитанной надеждой. – Во второй раз же пошлина будет меньше?

Старший из бандитов, тот, что помолчаливее, усмехнулся, обнажив жёлтые зубы.

– Конечно, – произнёс он, и в его голосе внезапно появились нотки почти что деловой любезности. – Половина товара – это входная пошлина за доступ на рынок, взимается один раз. – Он сделал паузу, изучая эффект от своих «великодушных» слов. – Все последующие разы будет изыматься примерно пять процентов принесённого для торга товара.

Его товарищ вдруг резко наклонился к Рику, так близко, что тот почувствовал запах гнилых зубов.

– Личные вещи, продукты питания, рабы-носильщики и вообще всё, что не на торговлю, облагаться пошлинами не будут, – прошипел он. – Но... – Его рука легла на рукоять ножа, – если заявишь, что какой-то предмет не на торговлю, а потом у нас на рынке продашь... – Он щёлкнул пальцами по своему горлу. – Смерть и конфискация. И поверь, казнь у нас не самая приятная. Так что лучше даже не пытаться. Торгуй честно и всё будет ровно.

Рик кивнул с преувеличенной серьёзностью, но его глаза вдруг блеснули деловитым интересом.

– Пять процентов? – переспросил он, намеренно пропустив мимо ушей слова про казнь. – Довольно... демократично.

Старший Топор вдруг рассмеялся – коротким, сухим смехом, больше похожим на лай.

– Разумеется, – сказал он, и в его голосе впервые прозвучали нотки чего-то, напоминающего гордость. – Наш Босс всех Боссов пытается возродить в столице нормальную меновую торговлю. – Его жест стал почти что ораторским. – Товаров слишком мало. Нужно вытаскивать все запасы с окраин и от занывавшихся куркулей.

Таможенники рассмеялись хором – смехом, в котором было больше угрозы, чем веселья. Рик присоединился к их смеху – ровно настолько, насколько это было приемлемо для скромного купца в окружении разбойников.

– А ты, я гляжу, нормальный парень, – сказал Рику один из них, прищурился, словно пытаясь разглядеть скрытую ложь. Густые брови бандита сдвинулись, образуя глубокую складку на переносице. – Откуда товар-то?

– Да всё оттуда же, – пожал плечами Рик, делая вид, что не замечает изучающего взгляда. Его пальцы невольно потянулись к пряжке ремня, будто проверяя, на месте ли нож. – От занывавшихся по окраинам куркулей. Ношу им жрачку, они дают мне чай, кофе, специи... – Он намеренно сделал паузу, будто обдумывая, стоит ли продолжать. – Я так понимаю, там ещё много чего. Да и я не с одними торгую. Хожу по районам, свой там. Вхож в мелкие районные ганги.

– Понятно, не хочешь, короче, говорить? – усмехнулся таможенник, снова обнажив жёлтый клык. – А должен хотеть? – усмехнулся в ответ Рик, встречая его взгляд с нарочитой беззаботностью.

– И то верно, – согласился таможенник, внезапно разжав пальцы. Его плечи расслабились, и он даже одобрительно хлопнул Рика по спине, отчего тот едва не споткнулся.

И действительно, большинство торговцев скрывали свои источники. А гангстеры не настаивали – в этом был их расчёт. Ведь если распотрошить хоть одного, другие не придут. Разве что тайком, за пределами рынка, ловить. Но Рик за то не переживал. Вооружён он был до зубов, и выглядел физически крепким. А нападать на вооружённых, не слишком богатых мужиков у гангстеров было не принято – игра не стоила свеч.

Удивительно, но Рику выдали бумажку с печатью и вписали имя в журнал. Печать всё та же – красный квадрат (точнее, красная квадратная рамка) и на нём скрещенные топоры, типа как у римских ликторов. «И как только вырезали?» – подумал Рик, разглядывая оттиск. «И где только чернила берут?»

Старший таможенник, который со шрамами, объяснил хриплым голосом:

– При следующем появлении на рынке покажешь эту бумагу. Смена сверит с записью в журнале и возьмёт пять процентов вместо входных пятидесяти. – Он ткнул грязным пальцем в документ. – Терять бумагу не рекомендую. Фотокамеры нынче не в избытке, – пояснил таможенник, – как и водяные знаки. Короче, бумагу потеряешь – опять будешь платить входной сбор. И да... – Он наклонился ближе, и Рик почувствовал запах прогорклого мяса из его рта. – Фотокарточек нынче нет, но память у нас всех хорошая. Если кого-то другого пришлешь к нам

с этой бумагой и он попытается пройти на рынок по твоему имени – обоим секир башка на месте. Уразумел?

Рик уразумел. Он вообще был «уразумелый».

Спустя ещё буквально минуту, Рик уже шагал по новому «Сеульскому рынку». Самому большому рынку бывшего Мегалополиса.

Когда-то здесь, в самом сердце многомиллионного города, ослепительно сияли неоновые витрины роскошных бутиков, а по блестящим от дождя улицам сновали напыщенные чиновники в безупречных дорогих костюмах, с жаром обсуждая биржевые ставки и грядущие сделки. Теперь же некогда величественная площадь, уродливо вымощенная треснувшими гранитными плитами, потрескавшимся асфальтом и продавленными кусками бетона, превратилась в хаотичный, душный лабиринт из жалких лачуг, шатких навесов и пропахших сыростью палаток. Импровизированные прилавки, собранные из обломков старого мира – помятых автомобильных дверей, обуглившихся офисных столов, ржавых гаражных ворот и даже частей школьных парт, – торчали среди разорённых улиц и почерневших остовов зданий, словно кости давно умершего исполина. Над всем этим погребальным пейзажем, буквально в паре сотен метров, а может и меньше, возвышался, сверкая под дождём своей высокой крышей, знаменитый «Голубой дом» – бывшая резиденция Президента Республики, а ныне – неприступное логово главного криминального ганга города, чей высокий, но отвратительно чумазый фасад и теперь служил лишь мрачным, угрожающим фоном для нового порядка, где правили не законы, а всепоглощающий голод, животный страх и скрещённые топоры.

Сам рынок, словно гнойник на обугленной коже мертвеца – пульсирующий, зловонный, но неожиданно живой и полный отчаянной энергии, – начинался ещё до видимой границы. Тонкие, как паутина, верёвки с пёстрым тряпьём, привязанным вместо флажков, тянулись от опрокинутых, истлевших автобусов к уцелевшим бетонным столбам, призрачно обозначая «улицы» этого торжища. Над головой провисали тяжёлые, прописанные дождевой водой тенты из старых рекламных баннеров, некогда кричавших яркими красками о новых смартфонах или далёких райских курортах, а теперь уныло укрывавших людей от бесконечной, тоскливой мороси. Между потёртыми тентами сочилась влага, монотонно капая в ржавые ведра и жестяные поддоны. Её тут же переливали в грязные бутылки без этикеток – мутноватую, с явным привкусом железа и пыли, но всё же относительно чистую, пригодную для питья без кипячения, что в новом, жестоком мире, где пресная вода добывалась в основном из протекавшей через город реки Ханган, в которую же уходило большинство канализационных сливов, считалось немислимой, почти запретной роскошью.

Атмосфера рынка была пропитана бесчисленным множеством запахов – таких же тяжёлых, липких и всепоглощающих, как немое отчаяние его уцелевших жителей. Над всем безраздельно царил смрад – густой, слоистый, почти осязаемый коктейль из застарелого человеческого пота, едкого животного жира, разбухшего варёного риса и сладковатой вони гнилых овощей, пробивавшийся из ближайших тесных, похожих на норы жилых построек. К этому гремящему букету неизменно примешивался сладковатый, тошнотворный, но уже привычный многоопытным местным обитателям-выживальщикам, аромат трупного разложения, который давно пропитал буквально весь обездоленный Мегалополис, словно незримая, но уже неизбежная часть здешнего, если можно так выразиться, образа жизни, или точнее – изнурительного образа выживания.

Как это ни странно, сквозь эту всепроникающую вонь порой пробивались призрачные, но упрямые ароматы дешёвых пряностей, редких и даже изысканных благовоний, которыми многие торговцы тщетно пытались заглушить всепоглощающее зловоние разрухи и запустения. Всё-таки вокруг цвела Азия – или то, что от неё осталось, – и это привносило свою, экзотическую специфику в гнетущий калейдоскоп запахов постапокалиптического мира.

Внутри «центральной» части рынка, где лавок и людей было гораздо больше, все запахи становились навязчиво насыщенней и гуще, словно ложаешься плотными, удушающими «слоями», как грязь после паводка: кислый, но манящий аромат капусты ким-чи, замаринованной в огромных, уцелевших пластиковых бочках, что не испортились даже за тридцать лет; отталкивающий, прогорклый запах масла, в котором с шипением обжаривали овощи или сомнительного происхождения мясо; едкий дым «осветительных» ночных костров, затухающих в сыром утреннем воздухе; и царапающий ноздри, лекарственный дух настоек из дешёвого самогонного спирта.

Звуки рынка были не менее пёстрыми и пронзительными, нежели его ароматы. Ветер, гоняющий по улицам серую пыль и холодный пепел, приносил отголоски отрывистых криков, дикого лая, жуткого скрежета металла и редкие, странные, почти нереальные звуки – хриплую мелодию из уцелевшего приёмника или жуткий, монотонный скрип колыбели, в которой кто-то качал, возможно, уже мёртвого младенца. Внутри же самих торговых рядов шум стоял не праздничный, а скорее нервный, напряжённый и приглушённый: сдавленный шёпот торга, короткие, хриплые окрики, надрывный кашель, глухой стук металла о металл. Между рядами тускло тлели жестяные жаровни, где на ржавой проволоке, как на шпажке, жалобно шипела подгоревшими боками то ли крыса, то ли кусок собаки, а может и что-то похуже – никто не задавал здесь лишних вопросов, ведь за праздное любопытство можно было лишиться не только зубов, но и самому оказаться на вертеле.

Торговые ряды, узкие и извилистые, тянулись от покосившейся «таможенной» будки вглубь разрушенного квартала, где груды обломков полуразрушенных небоскрёбов образовывали мрачную, похожую на каньон улицу-ущелье. Здесь можно было найти, пожалуй, всё что угодно: от заржавевшей консервной банки до зубного протеза, от грубых самодельных ботинок, сшитых из автомобильной обивки, до пузырька со спиртом, тщательно запечатанного сургучом.

На одном прилавке, сколоченном из двери шкафа, лежали серые куски мыла, завёрнутые в чудом уцелевшие, пожелтевшие от времени газеты; на соседнем – аккуратно, с трогательной бережливостью сложенные носки и чулки, большей частью в бесчисленных дырах и заштопанные, но пользующиеся бешеным спросом. Пространство заполняли пыльные лотки и ящики, доверху набитые пустыми стеклянными бутылками, помятыми жестяными кастрюльками, фарфоровыми тарелками с позолотой, огрызками карандашей, мотками ниток, красивой мебелью или статуэтками, пушистыми подушками, пёстрыми лоскутами тканей, тусклыми ювелирными украшениями, ржавым инструментом, выцветшими коврами, стопками редких монет, самодельными ножами, и вообще всем подряд – от чудом уцелевших, истлевших книг до никому не нужных, растрескавшихся автомобильных покрышек.

Над всем этим рыночным муравейником, на уцелевших кривых фонарных столбах, на обшарпанных стенах соседствующих с рынком зданий, на верёвках, опутывавших ветки высоких деревьев (центральная часть Сеула была когда-то удивительно зелёным микрорайоном) – повсюду висели самодельные вывески, призванные заменить ослепительный неон прошлого. Ныне они были написаны углём или сажей на грязных тряпках, картоне или обрывках бумаги:

«Рис. Обмен на мясо»

«Инструмент. Только за соль/сахар/чай»

«Тёплая одежда. Зима близко»

Или даже грозное:

«Оплату рабами не принимаем!».

На удивление, скелеты старых рекламных щитов всё же кое-где оставались. Точнее – оставались их металлические конструкции, на которых когда-то сияла электрическим светом реклама старого мира. Ныне старые слоганы, лозунги и призывы, разумеется, заменили новые.

Прямо над рынком, на очередном руинированном небоскрёбе, на уровне десятого или даже пятнадцатого этажа, вместо красовавшейся до Анабиоза надписи:

«Samsung – будущее в твоих руках»

Теперь значилось более жизненное, выведенное кроваво-красной краской на грубо сшитых кусках серой баннерной ткани:

«Синода Шедоши. Повиновение Гангу Топоров!»

В отличие от более пустынных окраин рынка, люди в его центре толкались практически в тесноте, протискиваясь узкими коридорами между прилавками, пробираясь сквозь плотную толпу продавцов, хрипло выкрикивающих цены на свои скудные товары. Что, по мнению Рика, было само по себе удивительно для постапокалиптического мира и Мегалополиса Страха, на безлюдных улицах которого даже днём, даже одного-единственного прохожего встретить было весьма затруднительно – выжившие повсеместно прятались в своих норах, опасаясь чужих, враждебных глаз.

Среди этой безликой массы шныряющих покупателей и продавцов, подобно теням, резко выделялись отчаянные, застывшие в немой мольбе лица тех, кто пришёл торговать своим последним, самым ценным имуществом – потрёпанной одеждой, тусклыми фамильными украшениями, пузырьками с лекарствами или даже собственными, молчаливыми детьми, застывшими с опущенными головами. Торговцы были самыми разными: от жалких, дрожащих от холода лоточников с дешёвыми заколками и пластмассовыми расчёсками до неприступных крупных дельцов, вполголоса предлагавших почти исчезнувшие «доанабиозные» лекарства, ценное отполированное оружие и, разумеется, человеческое мясо, разложенное под тканью с гнетущей будничностью.

Повсюду на рынке, как мрачные часовые, стояли также охранники местной бандитской группировки, следившие за своим «порядком» с хищной, ледяной внимательностью. Поэтому люди по рынку двигались не спеша, с опаской, осторожно ступая по скользким плитам, ведь хотя смертельные уличные драки, грабежи и убийства были кровавой обыденностью для Падшего Мегалополиса, ругаться, драться и вообще привлекать к себе внимание «державших» рынок Топоров категорически не рекомендовалось самими бандитами.

Им самим, впрочем, было строго-настроено запрещено без повода грабить, насиловать, обращать в рабство и вообще причинять вред посетителям рынка. Именно – без повода. Но вот если повод находился... Уголовно-процессуального кодекса, как известно, в Сеуле с некоторых пор не существовало, так что и следователем, и судьёй, и палачом мог в мгновение ока оказаться любой из «топороносных» бандюганов с собственным, весьма специфическим взглядом на коммерческие споры и уличное хулиганство. Так что, как объяснили позже Рику, карманников на рынке не наблюдалось. Равно как и мелких мошенников. Равно как и тех, кто дерзнул бы не исполнить условия сделки с торговым партнёром. Безусловно, с одной стороны, это было хорошо. Преступность нулевая, если её тотально контролируют сами преступники. Но вот с другой... Убийство и последующее съедение любого несовершеннолетнего воришки, стащившего с прилавка горсть риса, всё же было, по мнению Рика, чудовищным перебором, вскрывающим самую суть этого нового порядка.

Торговые ряды нового Центрального Сеульского рынка делились, так сказать, на чёткие «тематические зоны», каждая из которых имела свои неписанные особенности, уникальные товары и жестокие внутренние законы. Ряды не были размечены официальными табличками, но любой местный житель безошибочно ориентировался по характерным запахам, звукам и особой атмосфере.

Ближе ко входу и «таможенному посту», под самыми дырявыми и обветшалыми тентами, гудел, источал пар и дым так называемый «пищевой клин», зажатый между сходящимися торговыми улочками: здесь продавались тощие холщовые мешочки с тусклым рисом; крохотные, бесценные комки серой соли в газетных свёртках; сухие, пахнущие йодом водоросли, разло-

женные длинными прядями прямо на грубых столах; неведомо откуда взявшийся спустя тридцать лет явно «промышленный» порошок из сои; брикеты лапши без упаковок; квашенная капуста ким-чи в огромных вонючих чанах, маринованная лоба, сушёные грибы; скользкая свежая рыба, выловленная в Хангане и прочих ближайших сеульских реках; несвежая морская рыба, привезённая судя по всему очумелыми хвребцами откуда-то со стороны мёртвого порта Инчон; и множество прочих товаров, которыми можно было утолить голод, либо, напротив, если ты богат – в смысле «сыт»! – сделать своё скудное питание хоть чуть более изысканным. Продукты питания лежали в потёртых пластиковых лотках, на пожелтевших газетах, обрывках бумаги, грязных тряпках, на разрезанных канистрах из-под бензина, на круглых крышках от стиральных машин и даже на отломанных об колено экранов макбуков – раньше невероятно дорогих, но ныне ставших совершенно бесполезными.

Торг здесь шёл тихо, почти шёпотом, без лишних слов и жестов: за «чистое», «свежее» или «редкое» брали втридорога, за «с гнильцой» или просроченное лет на тридцать – отдавали дёшево, но только если покупатель был готов рискнуть и завтра попросту не проснуться. Пробовать продукты на вкус, по понятным причинам, здесь категорически запрещалось.

Чуть глубже в лабиринте рынка, за лотками с полусгнившей едой, начинался оглушительный «металлоломный» ряд, звучавший как безумная, разноголосая кузница или мастерская судного дня: навязчивый скрежет ножовок по металлу, глухой, отрывистый стук молотков по арматуре и жестяным листам, сухие, злые щелчки кусачек. Здесь, в этом царстве ржавчины, продавали всё, что могло резать, колоть, копать, бить или служить твёрдой валютой для обмена: красную медь, дрянную жель, тусклый алюминий; толстые прутья, тяжёлые цепи, острые уголки; болты, гайки, шурупы всех калибров; дверные петли, скобы, крючья, проволоку, мощные пружины и даже толстые, скрученные тросы из лифтовых шахт. Прямо на месте, под прищелчком хмурых мастеров, точили на скрипучих брусках самодельные ножи и тонкие стилеты, правили топоры и увесистые молотки, переделывая их из «бытовых» в смертоносные «боевые», выковывали шила и гнули звериные крючья для ловушек. Витринами служили снятые капоты и двери бесполезных нынче машин, а вместо ценников – делали зарубки на грубых деревяшках, ибо писать было нечем да и не на чем.

«Лекарственный» ряд, располагавшийся сразу за грохочущим «металлоломным», держался тихим особняком. Товар здесь считался не просто ценным – порой он не имел цены вообще, оцениваясь лишь человеческой жизнью. Здесь, на грязных полотнищах, россыпью в керамических плошках и запылённых стеклянных склянках лежало подлинное и утраченное навсегда наследие погибшего мира: таблетки, ампулы, порошки, пилюли, засохшие мази. А также бинты, туго перемотанные и стянутые проволокой; одноразовые шприцы, воткнутые в пластиковые ведёрки, словно карандаши в стакане; потрёпанные фонендоскопы, увеличительные лупы, зубные щётки, хирургические скальпели, бесчисленные загадочные инструменты из кабинетов дантистов. Антибиотики, обезболивающие, антисептики, капли, спреи и даже редкий инсулин в потемневших от времени пеналах. Рядом всегда, как тень, крутился кто-то из «понимающих» – бывший врач с потухшим взглядом, бывший санитар или просто ловкий шарлатан, который был способен или уверенно заверял, что способен по цвету, запаху или форме угадать, какая пилюля тебя не убьёт сразу. Гарантий, конечно, здесь никто не давал, но, что главное, – никто в этом аду их никто и не требовал.

«Оружейный» уголок на рынке Ганга Топоров особо не афишировали, но он имелся и, на взгляд Рика, был тут самым живым, интересным и активным местом. Огнестрельных стволов тут, разумеется, открыто не водилось. Зато «ходили» патроны россыпью в жестяных коробках, пустые магазины под разный калибр, бесчисленные неработающие стволы – как покрытые рыжей коррозией, так и нарочито отполированные до слепящего блеска. И всё это, теоретически, годилось к использованию в качестве запчастей для настоящего, «стреляющего» оружия, либо для несложной переделки в таковое. Например, в случае замены ствола, большая часть

таких «пукалок», на взгляд Рика, могла бы снова начать стрелять. Умельцев, способных привести испорченное за тридцать лет оружие в боевое, то есть «стреляющее» состояние, в Сеуле, на взгляд Рика, даже сейчас было немало. Вопрос заключался скорее во времени – после Пробуждения минуло всего два месяца, в течение которых все власть предержащие – то бишь местные бандиты-головорезы – были плотно заняты иными неизмеримо более важными делами, нежели налаживание фабричного производства: грабежом, убийствами, дележом оставшихся запасов. Однако, после возможного восстановления электричества – пусть даже локально, в пределах одной единственной засекреченной мастерской, подключения станков, налаживания добычи и производства серы, селитры, металлов – пусть даже путём переплавки имеющегося в городе в неограниченных количествах металлолома – вопрос с огнестрельной уникальностью Кэмп-Грей, вне всякого сомнения, будет снят. Сеульцы смогут не только резать, но и стрелять друг в друга. Разумеется, при условии, что сама глубоко неуважаемая Риком база Кэмп-Грей не подомнёт этот увлекательный, но страшный процесс воссоздания военной промышленности исключительно под себя.

Как бы там ни было, Рик с профессиональным, оценивающим вниманием изучил скудный ассортимент предлагавшихся к продаже патронов. Калибра для Кольта Питона, разумеется, не нашлось. Другого рабочего ствола в открытой продаже – тем более. Вероятно, если таковые «живые» стволы и появлялись на рынке, Топоры немедленно изымали их у торговцев и либо припрятавали сами, либо «сдавали» в качестве дани в Кэмп-Грей.

Разочарованный, но не утративший бдительности, Рик продолжил свой неспешный осмотр. Торг между тем, в оружейной части рынка, кипел весьма активный, причём с каким-то с особенным, хищным азартом. Покупали и продавали тут в основном «настоящее» холодное оружие, предметы серьёзные и смертоносные: опасные, с мрачным блеском армейские штык-ножи, изящные морские кортики, а также почти бесчисленный ассортимент ножей охотничьих – от монструозных гигантов, напоминавших скорее короткие мечи с грубыми гардами, до ловких и вёртких выкидных ножей и ножей-бабочек. В отличие от «металлоломной» зоны рынка, где кустарное оружие в основном точили, починяли либо переделывали подручный бытовой хлам в короткие топоры, молотки, дубинки, биты и «боевые арматурины» для нужд примитивной самообороны, в оружейном ряду эти же предметы выглядели качественнее, серьёзнее и дороже. Например, здесь в продаже, гордо разложенные на бархатных обрывках, имелись весьма грозные и внушительные по внешнему виду боевые топоры с широкими лезвиями, боевые молоты с шипастыми навершиями и тяжеленные боевые булавы – и те и другие, как правило, рассчитанные на двуручный хват, а также... доспехи.

Доспехи нового пост-апокалиптического Сеула, конечно, не походили на изящные средневековые рыцарские латы, поскольку в основе своей переделывались из обычных армейских либо полицейских кевларовых бронежилетов, да шлемов, начиная от жёлтых гражданских строительных касок до настоящих, увесистых противопульных шлемов полицейского спецназа с забралами. Однако это были именно «доспехи» – усиленные стальными пластинами нагрудники, кирасы и даже кузнечный новодел – некое грубое подобие кольчуг из скрученных проволочных колец.

Также в большом количестве в оружейной зоне продавался, на взгляд Рика, разнообразный милитаристский шлам и эрзац-оружие: полицейские шокеры на севших батарейках, самодельные арбалеты из автомобильных рессор с тетивой из троса, кривые самодельные луки, переделанные, видимо, из старых спортивных. Всё это Рика не заинтересовало ни капли.

Оказался на рынке и «электрический» закуток – пара грубых столов под очень широким, низким, непромокаемым и плотным тентом, вероятно, натянутым специально, чтобы драгоценные лоты были посуше. Тут, с почти религиозной бережностью, торговали пучками цветных проводов, предохранителями, кнопочными панелями и панельками, ручными динамомашинками-«крутилками», обломками инверторов, даже рациями и зарядками к давно нера-

ботающим телефонам. Электричество в новом Сеуле считалось почти что магией: за рабочий пауэрбанк можно было выменять еды на неделю, а за «живую» лампу на аккумуляторе – без раздумий получить нож в печень от собственного лучшего друга.

Электричество в Мегалополисе всё же было. Кое-где уцелели и работали автономные генераторы на дизельном топливе, ручные динамомашинки, да и много чего ещё, бережно хранимого в тайниках.

Да, электричество было. Но было явлением крайне редким, невероятно дорогим и... э... э... элитным. Обычно все работающие электронные приборы и устройства, способные генерировать или хранить драгоценное электричество, безжалостно изымались главами гангов. Топоры, вероятно, решили эту грабительскую традицию изменить. Всё, что можно было забрать силой, они уже забрали. Ну а новые предметы можно было привлечь на рынок только добровольно – разжигая жадность и поощряя торговлю. В общем, Рик не заметил, чтобы работающие аккумуляторы из электрической зоны рынка тут же изымали прогуливающиеся между лотками бандиты. Судя по всему, на безвозмездную экспроприацию электроприборов у них тоже был установлен строжайший запрет. За исключением, разумеется, унижительного входного таможенного сбора.

Вообще, весь товар на этом новом Центральном рынке выглядел так, будто сам огромный город методично распотрошили, вывернули наизнанку и разложили по клочкам: пучки медной проводки, выдранный из стен с кусками штукатурки; металлический прут со свежими следами бетона; стеклянные шприцы и россыпи таблеток, высыпавшихся из истлевших упаковок; батарейки разного возраста и степени истёртости, проверяемые на заряд дикарским способом – облизыванием контактов; куски дерева, пластика и стекла, годные на заделку отверстий и дыр в полуразрушенных домах и, вероятно, оставившие такие же дыры в стенах домов, из которых их безжалостно изъяли; редкие, как алмазы, банки консервов тридцатилетней давности, каждую из которых продавец показывал в руках с таким трепетом, словно в ладонях у него лежало его собственное, ещё бьющееся сердце.

Здесь же, вперемешку с утилем, торговали и «красотой» – на лотках разнообразные зеркала, пластмассовые гребни, полупустые флаконы духов с призрачным запахом, даже какие-то выцветшие брендовые тряпки.

То тут, то там, в глубине рядов, мерцали призрачные остатки прежней, утраченной Кореи: искорёженная вывеска на «хангыле», клочок неона, запитанный от жужжащей самодельной динамомашинки, – и неровно моргающий в полумраке, словно больной, воспалённый кошачий глаз. С тоской напоминая о том, чего больше нет и, возможно, никогда уже не будет.

Отдельно, на самой границе тени и людского потока, ютился ещё один, особый «ряд» – ряд с услугами. Тут, за столиками с инструментами, предлагали ремонт прохудившейся обуви, грубый пошив или латанную починку одежды, пайку по металлу, стирку в мутной речной воде, глажку раскалённым утюгом на углях, личную охрану, столярные, строительные, кузнечные услуги и даже так называемый «поиск по руинам», под которым, по всей видимости, подразумевался опасный разбор завалов в указанном заказчиком месте. Рик криво и беззвучно усмехнулся про себя. Да уж, Корея есть Корея, и предпринимательский дух, этот цепкий инстинкт выживания любой азиатской нации, тут не истребить решительно ничем, даже гибелью цивилизации.

Она пряталась за грязными, колышущимися на ветру ширмами из замусоленного брезента и выцветших рекламных баннеров, потому что даже здесь, казалось бы, на самом дне падения человеческой нравственности и морали, предпочитали не смотреть на работоторговлю в открытую, хотя каждый знал, что здесь находится и чем именно здесь торгуют. «Товар» молча осматривали покупатели, щупали мускулатуру, грубо заглядывали в рты, оценивая состояние зубов и дёсен – словно немой скот на самом мрачном аукционе говорящих животных. Над этим проклятым сегментом рынка висел особый, невыносимый запах – не столько телесный смрад,

сколько тошнотворный смрад всепроникающего унижения и ледящего отчаяния, проникающий глубже любой физиологической вони. Ну а дальше, без всяких вывесок и без слов, в зловещей тишине, начиналась зона, где торговали живыми людьми.

Ещё дальше, в самом дальнем, тёмном углу рынка, отделённом растянутой сеткой-рабицей и хмурыми вооружёнными охранниками, располагались совсем уж ненавистные всему живому «мясные лотки»: грубые деревянные нары, на которых, подобно обречённым тушам в бойне, сидели или лежали связанные, обычно изувеченные и полуживые люди – в основном женщины и худые подростки. Впрочем, встречались и мужчины-калеки, хромые, безглазые, лишённые кто пальцев, кто кистей рук или частей ног. Но все – с безнадёжно склонёнными в немом и животном ужасе головами.

По всему рынку, подобно трудолюбивым муравьям, между прилавками сновали носильщики – измождённые, но удивительно проворные молодые мужчины в лохмотьях, таскающие за верёвочные поводки самодельные корзины на колёсиках от старых чемоданов. Их движения были быстрыми, но скользкими и осторожными, словно они ежеминутно ожидали подножки или внезапного удара в спину. Тут же, чуть поодаль, стояли такелажники покрепче – переносчики тяжестей на дальние расстояния, грузчики и такси в одном лице; на их загрубевших плечах были накинута стропа от тачек или небольших тележек, сбитые в основном из старых, но прочных автомобильных ремней безопасности.

Рис здесь называли «пеплом» за его серый, безжизненный цвет. Порцию еды – «паем». Чистую воду – «стеклом», банку съедобных консервов – «святой». Годные таблетки, ампулы, шприцы, а также работающие лампы, батарейки и электроприборы – почтительно именовали «белыми». Все остальные, сомнительные товары – «чёрными». На рынке, насколько успел заметить Рик, имелся и свой жаргон, и собственные, причудливые единицы меры.

Глубже в местный, только начинавший своё становление жаргон Рик вдаваться не стал. Времени не было, да и острой необходимости пока он не чувствовал.

Единицы расчёта, как он уже уловил, тоже были свои, рождённые новой реальностью. Мелочь считали «щепотками» – щепотка риса, соли, сахара, перца или сушёных водорослей. Крупнее шли «стакан» (имелся в виду объём, а не конкретная посуда) и «пакет» (любой найденный пакет, стандарт определялся на глаз). Деньги из старого, мёртвого мира не значили ровным счётом ничего. Расчёт вели «едой», «временем» или «кровью»: стакан риса за щепотку соли, нож за рабочую батарейку, услуга за миску жидкой похлёбки. Сами услуги мерили «временем»: «ночь под крышей», «сопровождение до такого-то ганга или района».

Вот так, неспешно шатаясь между рядами, Рик провёл на рынке почти три часа. Тусовался то там, то здесь, пытаясь реально вникнуть в процесс. Свой собственный товар – как оказалось, весьма ходовой, ведь консервы с ламинарией и кофе с чаем были здесь редкостью, – Рик распродал очень быстро, буквально за первый же час. Оставил себе лишь несколько пакетиков на возможные взятки и подарки. Остальное время просто присматривался, слушал и болтал с кем придётся.

Удивительно, но на этом рынке отчаяния и безысходности оказалось даже своё подобие «кафе». Что сначала смутило Рика, но в принципе, после некоторых размышлений, показалось вполне естественным – ведь должны же были торговцы и явившиеся сюда за товарами покупатели где-то есть и хоть как-то поддерживать силы. Общественного транспорта – как и частного транспорта, естественно, – в городе давно не было. И чтобы добраться на рынок из своего логова или ганга, требовалось чапать по опасным улицам своими ножками как минимум несколько утомительных часов.

ПУЛЯ 2. РАЗВЕДКА БУЕМ

Рик переступил низкий порог кафе, и его сразу обволокло плотное, почти осязаемое марево пара, густо смешанного с едким дымом и запахом человеческих тел. В постапокалиптическом Сеуле, среди мрачных руин и хаоса Центрального рынка, это заведение казалось почти невыносимым чудом – неуютным, грубым, но всё же укрытием как от вечной сырости сеульских улиц, так и от леденящих душу реалий погибшей цивилизации. Это место, устроенное в бывшем стеклянном павильоне на самом краю огромного торгового центра, давно утратило былой стерильный вид: за тридцать лет, пока человечество спало, алюминиевые рамы сгнили, а стёкла выпали или были выбиты, поэтому после Пробуждения зияющие проёмы кое-как затянули потрёпанной полиэтиленовой плёнкой, распоротыми мешками из-под риса и обрывками старых рекламных баннеров. Снаружи павильон выглядел как тёмная, угрюмая коробка, из всех щелей которой вырывались слабые клубы мутного, тёплого дыхания, тут же растворявшиеся в прохладном и влажном утреннем воздухе.

Внутри же царила постоянная, густая полутьма, едва разгоняемая желтоватым, неровным светом двух коптящих керосинок и короткой, жалкой гирлянды из разномастных лампочек, запитанной от спрятанного где-то в глубине драгоценного аккумулятора. Сквозняк, пробираясь сквозь щели, гулял по всему помещению, заставляя дрожащие языки пламени плясать и отбрасывать причудливые, беспокойные тени на измождённые лица немногочисленных посетителей.

Интерьер кафе вполне соответствовал новой, жестокой версии окружающего мира – он был сборным, грубым, но на свой лад – в достаточной степени функциональным. Стены, дыры в которых кое-как заложили обломками кирпича или ржавыми жестяными листами, почернели от многолетней копоти, а по низкому потолку, будто по древней средневековой карте, расплзлись чёрные, причудливые разводы от огня и вечной влаги. Местами стены буквально «потели» от конденсата, а посему в самых сырых углах приютились ведра и тазы – одни для сбора воды, другие для отходов, которые посетители старались обходить широкой стороной. Пол под ногами скрипел и пружинил, ведь вместо нормального покрытия здесь лежали несколько слоёв промокшего картона, фанеры и уличной резины, набранной с руин. Единственное окно, окончательно лишённое стекла, было затянуто полупрозрачной, грязной марлевой тряпкой, пропускавшей лишь жалкую часть дневного света, и без того сокрытого свинцовыми облаками и унылой моросью за окном.

Мебель, как и всё вокруг, лишь дополняла мрачную историю всеобщего упадка, которую можно было наблюдать на улице: грубые столы из старых дверей, установленные на кирпичи; длинные скамьи, сколоченные наспех из досок и брусков разной толщины и цвета; некоторые приставленные к ним стулья – жалкие остатки офисных кресел с вывалившимися пружинами, ящики или даже старые деревянные паллеты.

Скатертей на столешницах не имелось в помине. Да и сами столешницы, прожжённые самокрутками, покрытые бурными пятнами неизвестного происхождения, насечками от ножей или тёмными кругами от горячих мисок, никакого восторга у Рика не вызывали. У него. Другие посетители кафе, вероятно, с ним бы не согласились. Столов явно не хватало, поскольку в дальних, самых тёмных углах прямо на голом полу, прижавшись к стене, ютились те, кто не мог позволить себе даже места на скамье, – эти люди ели с колен, бережно держа миски в руках, будто священные чаши.

Господствовала над всем залом массивная барная стойка – очень длинная и невероятно высокая, словно неприступная крепость посреди хаоса. Стойка была также собрана из грубого кирпича, с огромной, неровной столешницей сверху, собранной по частям из самого разнообразного деревянного хлама: от тех же полотен дверей до кусков жести и облезлой фанеры.

Над стойкой виднелись грубые полки с тем, что, вероятно, могло считаться здесь немислимым богатством: жестяные и закопчённые стеклянные кружки (попадался, судя по блеску, даже хрусталь), стальные и керамические миски, связки сушёных водорослей, копчёная рыба, редкие консервы, куски мяса, висящие прямо над стойкой на небольших железных крюках и полностью усыпанные со всех сторон острым красным перцем, несколько прозрачных, заветных баночек с солью или сахаром. А также тёмные, запылённые бутылки без этикеток – видимо, местный «самогонный» алкоголь. Тут же в строгом порядке лежали «расходники» заведения – серые тряпки, самодельные салфетки, куски мыла, какие-то химические моющие средства в потрёпанных бутылках, баночки под яркие азиатские специи типа аджиномото, куркумы, орегано или кунжутного дрессинга – под прозрачными крышечками, а также половники, ложки, ножики, вилки, щипчики и даже, повешенный на настенный магнит, точильный брусок для ножей.

Посетители кафе были столь же пестры и разношёрстны, как и его убранство: уставшие носильщики с рынка, мелкие, суетливые торговцы и их молчаливые помощники, измождённые путники-покупатели, чьи взгляды скользили друг по другу с немим недоверием и подозрением, будто каждый ежеминутно ожидал подвоха или удара в спину. Ну и бандиты, куда же без них. Последних было определить проще простого: они ходили с оружием на виду, почти напоказ, с гордо поднятой, вызывающей головой. Впрочем, Рика гораздо больше – прежде всего как источник ценной информации – интересовал бармен. Тот стоял за своей мини-крепостью, незыблемой барной стойкой, и с совершенно невозмутимым видом на каменной роже натирал до блеска бокалы. Но не только.

За барной стойкой, вероятно, над открытым огнём (судя по треску, топили обломками старой лакированной мебели) готовилось какое-то восхитительное блюдо. Рик смело шагнул вперёд и посмотрел за стойку – за спрос как говориться, не бьют, хотя... кто его знает, тут могут и ударить. Топором по позвоночнику например.

Но он не ошибся – и правда, за баром находилась высокая железная бочка в которой пылал огонь. Над бочкой была установлена неширокая металлическая решётка, на которой аппетитно булькал в кастрюльке рисовый суп, издавая скудный, но невероятно соблазнительный в этом голодном мире аромат «нормальной» еды, а не протухших консервов или человечины.

– Без людятины? – на всякий случай деловито поинтересовался Рик, наклоняясь к кастрюльке чуть ближе и прищуриваясь от дыма.

– А ты чё, такой принципиальный? – вопросом на вопрос ответил стоящий за стойкой коренастый бармен, наконец, обратив на Рика внимание. Его руки, покрытые старыми ожогами, продолжали методично протирать жестяную кружку. «Вполне возможно, – подумал Рик, – эти ожоги от пыток, во всяком случае обычно, ожоги и шрамы на руках местных жителей имеют именно такое происхождение».

– А тебе не по хрен ли, принципиальный я или нет? – беззлобно огрызнулся Рик. – Может, я просто не ем такого.

Бармен замаялся на мгновение, его глаза сузились в оценке. Затем он покачал головой:

– Да я тоже... стараюсь, во всяком случае. В супе только рис. Немного консервированных овощей и соевая паста. Он сделал паузу, будто взвешивая, стоит ли продолжать. – Короче, без людятины.

– Очень рад, – сказал Рик, расслабляя плечи. – Ну и почём нынче порция?

– Рынок меновой же, – опустив кружку, бармен развёл руками в театральном жесте. Его пальцы, короткие и крупные от постоянной мелкой моторики, напоминали сосиски и сильно контрастировали с остальным худощавым телом. – Показывай, что у тебя есть, и договоримся.

Рик, без возражений, вытащил из внутреннего кармана пакетик с зелёным чаем.

– Ого! – бармен оживился, его глаза внезапно заблестели. – Ладно, давай сюда. Сейчас налью тебе порцию.

– А не жирно? – усмехнулся Рик. – Как я понимаю, чай тут редкость.

Бармен вдруг добродушно заржал, обнажив ряд жёлтых зубов.

– А если жирно – поищи другое место для трапезы, дружище, – сказал он и махнул рукой в сторону пустого пространства за дверью. – Сам же видишь – тут рестораны в ряд, все кухни мира на любой вкус.

И действительно, кафе на рынке было одно. Рик покряхтел, но согласился, протягивая драгоценный пакетик. Бармен, внезапно ставший услужливым, налил ему большую тарелку супа – до самых краёв, так что Рику пришлось осторожно нести её к столу.

Порция оказалась приличной – густая мутная жидкость на соевой пасте с небольшим количеством сухого зелёного лука. Но главное – рис. Целых три, а может, и четыре большие ложки. Роскошно. По нынешним нормам этого хватило бы, чтобы утолить голод крупного мужчины на целый день. «Не мясо, конечно, но...» – Рик невольно поёжился, вспоминая альтернативные варианты. В некоторых ситуациях действительно лучше без мяса.

Рик устроился за дальним столиком, уже готовый погрузиться в скудное удовольствие своего обеда-ужина, когда на его миску упала тень. Перед ним стояла девушка – не юная, но вполне сохранившая следы былой привлекательности, словно последний осенний цветок, уцелевший, несмотря на жестокие заморозки. Её тело едва прикрывало нечто, отдалённо напоминавшее импровизированное индийское сари – жалкий лоскут выцветшей ткани, некогда, возможно, прежде яркой и красивой, но ныне превратившейся почти в тряпку, очень слабо прикрывавшую её красивую наготу.

«Рабыня», – мгновенно догадался Рик.

У рабов и рабынь вселенной Анабиоза одежду отбирали – не из каких-то извращённых сексуальных наклонностей и не из жадности даже – просто старая, «настоящая» одежда неожиданно стала драгоценностью.

Джинсы, кожаные куртки, рубашки, футболки – всё это, если находилось в нормальном, а не полуистлевшем состоянии, бережно хранилось в закромах гангов для «высокопоставленных» бандюков и их приближённых. Кто знал, когда снова заколосятся хлопковые поля и заработают ткацкие станки?

Даже рядовым бандитам доставалось рваньё, перешитое из того, что снимали с трупов. А уж рабы... Они оборачивали себя во что придётся – в коврики, простыни, обрывки занавесок. Чулки, носки, нижнее бельё – эти изыски прошлой жизни почти исчезли. Ирония судьбы: купальники, бикини, колготки-сеточки, кружевное бельё – всё то, что когда-то считалось соблазнительно-сексуальным, теперь стало знаком крайней нужды, ибо имело гораздо меньшую цену для «выживальщиков» в пост-апокалиптическом мире, чем любая обычная одежда. Поэтому рабыням-проституткам зачастую – доставались именно они. Так что иногда было жутко, но уже довольно привычно видеть девушку-рабыню, неделями, а то и месяцами щеголяющую в трусах-стрингах или чулках-сеточках, грязных, рваных, но всё ещё напоминающих о цивилизации, которой больше нет.

Подошедшая к Рику девочка между тем выглядела вполне достойно. Самодельное сари из посеревшей от времени и когда-то яркой цветной простыни её ничуть не портило и даже придавало определённый шарм. Отличные ноги, осиная талия – возможно, результат вынужденной диеты последних месяцев, фактически босые ступни в некоем подобии самодельных же лаптей, сплетённых из плотной ткани. Девушка привстала перед ним на носочки, чтобы казаться выше и стройнее. Хотя куда уж стройнее? Голод был круче любой диеты.

Вспомнив сначала о высокой мисс Мэри, а уже затем о крошке Кити (кстати, симптомчик!), Рик хотел было шлюшку отшить, но потом подумал, что девушка может ему сгодиться – не для сексуальных утех, конечно же, а для получения информации.

Изобразив на физиономии приветливую улыбку, Рик сделал приглашающий жест рукой, показывая девице на лавку напротив него за тем же столиком.

– Что-то негусто у вас товара на рынке сегодня, – заметил Рик, оглядывая через стекло кафе полупустые ряды. – Может, в какие-то дни торговцев побольше бывает?

Девушка мгновенно оживилась и тут же скользнула на лавку рядом с ним. Но не напротив, как он показал, а к нему на лавку рядом. И тут же прижалась к его ногам своими чудными голыми ножками. Ножки и правда были что надо: гладенькие, ровные. Правда, тощие. В любом случае гораздо крупнее, чем у крошки Кити, которая хоть и питалась нормально, но просто от природы была жутко мелкой. И, конечно, ножки незнакомки были гораздо мельче, чем у мисс Мэри – по той же причине. В смысле, мисс Мэри от природы была «гренадёршей» – пусть и очень красивой, стройной, без капли жира, но с крупной костью, охрененным ростом и статью принцессы амазонок.

– Ну разумеется – мелодичным голосом прошептала девушка в ответ. – сегодня же четверг. Самый торг будет завтра и в субботу. А в воскресенье и понедельник рынок вообще закрыт, ни души... Ты какой-то странный торговец.

– Я странный? – Рик отодвинул от неё ноги и тарелку с супом. – А чем я странный то? Просто впервые здесь. Откуда мне знать, что рынок по пятницам и субботам активней, чем в будни? Старый мир, типа, пал. На заводах и в офисах никто не работает. Откуда вообще взялось сейчас это деление на «выходные» и «будние дни»? На график рынка может ещё и Рождество влияет? Ведь всё рухнуло к собачьим чертям.

Девушка беспомощно развела руками.

– Я в таких вещах не сильно разбираюсь, – печально призналась она. – Но рынок работает именно так. Думаю, тут дело в привычке. Торговцам сложно ежедневно таскать товар через полгорода. Да и покупателям тоже. Товаров-то кот наकाкал. А два торговых дня в неделю – самое то. А раз так, когда их устраивать? Естественно, в пятницу и субботу. Да и «Босс всех боссов» у нас любит показывать приверженность старым традициям. Потому воскресенье и понедельник – выходные.

– Ну ясно. А ты сама что тут делаешь? – наигранно-простодушно поинтересовался Рик. – Тоже что-то продаёшь?

– Ага, – не слишком весело усмехнулась девица. – Продаю. Меня, кстати, зовут Джесс.

Рик окинул её оценивающим взглядом. Джесс была типичной кореяночкой лет двадцати пяти – может, гораздо более красивой, чем основная масса азиаток в этом возрасте: относительно высокой (хотя не относительно мисс Мэри, конечно), с правильными, весьма милыми, нежно-податливыми чертами лица, длинными ровными ногами – что для азиаток последнего перед Анабиозом поколения стало явлением достаточно обычным – и задорными кудряшками. Девочка, точнее молодая женщина, была крайне милой и «хотебельной». Но вот имя «Джесс»...

– А вот ты прямо-таки Джесс, – изобразил сомнение Рик, – «Джесс» это ведь «Джессика», я правильно понимаю? Типично корейское имя.

Джессика улыбнулась.

– Джесс – это для работы.

– Ага. Так ты здесь работаешь?

– Не барменом. И не официантом.

– Да я понял уже. И дорого?

Джессика вздохнула.

– Дай мне половину своего супа. Нас тут держат с двумя условиями: ночью мы должны по первому шелчку трахаться с бойцами Ганга Топоров. Бесплатно. А днём – сами себя кормить, чтобы они не тратили на нас рис и человечину. Такой вот удачный контракт. Питаюсь, правда, через день, зато смотри какая стройная, – она похлопала себя по тощеньким бёдрам и снова

прижалась к Рику голыми ножками. – Ну не жмоться ты. Я же вижу, что ты упитанный и питаешься хорошо. Не обеднеешь то с полтарелки.

– Ну... хорошо, – как бы нехотя согласился Рик, и грудь мисс Мэри снова всплыла перед ним как Библия перед монахом-грешником. – А где гарантия, что ты сейчас съешь мой суп, а потом не кинешь с интимом?

Джесс фыркнула.

– А я лицензированная проститутка, – она достала из складок своего жалкого одеяния бумажку со штампом Топоров, поразительно похожую на «документ», выданный Рику как «лицензированному торговцу». Только имя и дата были другими, а в графе «статус» значилось, что «Джессика С971Ш» является «рабыней Синода Шедоши».

– Офигеть, – искренне удивился Рик. – Ты знаешь, у торговцев – вот у меня, например, – точно такие же документы.

– А почему они должны отличаться? – удивилась в ответ Джессика. – Печать у Синоды одна, и ту, насколько я знаю, с большим трудом вырезали – нашли мастера, раздобыли материал, чернила... Вот и штампуют всем одинаковые бумажки. Этой же печатью Топоры даже свои «международные соглашения» заверяют. Ну, типа вассальные и торговые договоры с юнговцами, меморандумы о разделе территорий между Гангами... Но мой документ надёжнее твоего, – девушка снова грустно рассмеялась. – Вот, посмотри.

С этими словами Джесс слегка отодвинула ткань своего «сари», обнажив плечо. На бледной коже было выжжено: «С971Ш».

Надпись не была татуировкой. Это была «клинопись». В смысле – следы раскалённого металлического прутка, методично выжигавшего знаки на живой плоти маленькими отрезками. Тонкие линии ожогов складывались в рубленые, угловатые символы, напоминающие цифры на древнем калькуляторе. Полосок-чёрточек в «надписи» было много. Вероятно, клеймо выжигали последовательно и долго.

– По живому выжигали? – спросил Рик, чувствуя, как в горле застревает ком.

– Нет, по мёртвому, – равнодушно сказала Джессика. – Убили, выжгли, чтобы не больно было. А потом воскресили.

– Сволочи они, топоры твои.

Джесс повела плечами и спрятала свой «номерок-ожог» обратно под лоскуты одежды.

– Ну, во-первых, они не мои, – как-то даже немного весело заявила она. – Это я – их. А во-вторых, – голос её стал серьёзнее, – не стоит так говорить. За любое «оскорбление величества» – а Синода Шедоши корчит из себя реального Короля всея Мегалополиса, могут убить на месте. И очень повезёт, кстати, если убьют на месте. Пытать то они – мастера...

Девушка закусила губу, на несколько секунд погрузившись в воспоминания. Видимо, о «мастерстве» Топоров в пыточном искусстве она знала не из википедии.

– Ну ясно, – решил сменить тему Рик. – Короче, ты лицензированная. И что? Меня это должно успокаивать? Где гарантия, что ты не слопаешь сейчас мой суп, а потом продинамишь?

– А то! – передразнила его Джессика. – Я обязана это делать. Если ты меня накормишь, отказать не могу. Можешь поинтересоваться у бармена. Он подтвердит.

– Понятно, – Рик озадаченно почесал затылок. – Ну и где мы если что будем это делать?

– Тут за кафе вагончик. Мы с девчонками его пользуем по часам. Не парься, там очень чисто и всё прилично. Простыни я сама стираю на руках в Хангане – благо река после Анабиоза чистая. В вагончике есть канистры с водой, мыло, рукомойник, полотенца. Всё необходимое. И вообще я очень опрятная, ты не пожалеешь.

Рик окинул Джессику взглядом с головы до ног. Действительно, несмотря на жалкие лохмотья, девушка выглядела удивительно ухоженной – насколько это вообще возможно в постапокалиптическом аду. Разве что почти босая, с серыми обмотками на ногах. Ну да пол здесь был сухой и чистый.

– Договорились, – буркнул он и пододвинул к ней суп. – Знаешь что, кушай всё, я не голоден.

– За две ночи что ли? – Девушку не пришлось упрашивать дважды, и она принялась хлебать соевую бурду, активно загребая фарфоровой ложкой разбухший от жидкости рис.

– Нет, за одну. Это тебе бонус, Джессика.

– Ой, спасибо, щедрый ты какой, – снова усмехнулась Джессика, но в словах её звучала вполне искренняя благодарность.

«До чего докатились... – подумал Рик. – Такую чудесную девушку можно трахнуть всего лишь за тарелку супа. Причём две ночи подряд. Я не говорю уже о том, как она одета... Кусок простыни на голое тело. И так она ходит тут днями и ночами. Босая, в каких-то обмотках».

Ладно, даже если не даст, хоть сделаю хорошее дело – несчастного человека накормлю. А если «даст»? Господи, да о чём я?! Я только Кити люблю. Только её одну... Блин, а как же тогда мисс Мэри?

Окончательно запутавшись в своих желаниях, Рик отчаянно помотал головой.

– Ты чего это? – удивлённо спросила Джессика. С супом она расправилась просто молниеносно и сейчас уже отодвигала от себя пустую тарелку – ты была разве что не вылизана. На дне во всяком случае не осталось ни капли бульона и ни единой крупинки риса.

– Да так, вспомнил кой-чего.

– Девушку свою небось?

– Не твоё дело. Всё? Ты закончила?

– Как видишь.

– А ты точно девушка, а не киборг, присланный из будущего уничтожать супы? Как-то ты его быстро одолела.

– Жалеешь, что полностью отдал? Блин, я думала тебе оставить. Просто два дня ничего не ела, прости. Клиент нынче пошёл тугой. Никто не хочет делиться едой за потрапушки. Но я отработаю. Обе половины порции, не переживай.

Рик поморщился. Разговор был ему не приятен. Перед девушкой было крайне неудобно, ведь он всего лишь накормил её. О времена, о нравы.

– Да я на самом деле и не переживаю. Так что ты тоже не переживай, что я переживаю, потому что я не переживаю. Доступно излагаю мысль?

Джессика рассмеялась, видимо, была сытой.

– А ты смешной, – сказала она. – Да, доступно. Как зовут то тебя «непереживальщик»?

– Рик, – сказал Рик.

– О! – сделала круглые глаза Джесс. – Я смотрю, у нас тут тоже отличное корейское имя!

– Рик это псевдоним.

– Да кто бы сомневался!

– Ладно. Знаешь... расскажи лучше о себе. Как ты тут живёшь. И много вас здесь таких как ты?

– Да хватает.

– Понял... Так, а вот номерок у тебя на плече. «Джессика С971Ш». Он, видимо, и означает количество девушек, что трудятся на сей благородной ниве ёбли за суп. Если так, то вас как то много...

– Ты с дуба рухнул что ли? – почти обиделась Джессика. – «С» это типа номер «генерейшен», то есть «поколения». Первые два поколения – генерейшен «А» и «В» – уже полностью истребили, а точнее съели. Вытрахали всё, что могли, а потом, когда девчонки уже практически превратились кто в сумасшедших животных, кто в куски полудохлого порванного мяса – пустили под молоток. И в генерейшен «А» и в генерейшен «В» было по несколько тысяч девочек. Они – первые два потока рабынь Синода Шедоши после Анабиоза. Я застала только некоторых из них. Они мало что рассказывали, прежде всего потому, что уже практически не

могли говорить – обезумели. А у некоторых просто не было языка, отрезанного или вырванного с корнем. Страшное дело скажу тебе... Адский ад в аду.

Она вздохнула.

– Наше третье поколение содержат лучше. Поняли, что симпатичных девочек в Мегаполисе осталось не так уж и много, и нас надо, типа, хоть немного беречь. Ну, например, не ломать битой колени за отказ от минета, типа того. В общем, всё больше и больше нежности. Как сказал мне по этому поводу один из Топоров, который ко мне регулярно ходит: Синода Шедоши к старости становится сентиментальным. Но и то... «971» – это просто порядковый номер в «генерейшен». На самом деле из 970, кто был до меня, осталось около ста девчонок. И ещё примерно столько же – после. В основном мой «генерейшен» тусуется по подвалам и решёткам на военных крепостях топов по периметру центрального квартала. Но мы – шлюхи с центрального рынка – мы типа элитка. Мы ночуем непосредственно в Голубом доме.

– Ого! – Рик весь подтянулся. – Серьёзно, в самом Голубом доме?

– Ну да.

– И много вас там?

– Да я же сказала: девочек двести всего осталось у Топоров. Могло бы быть больше, но им в падлу содержать нас, в смысле кормить. Так что всего две сотни.

– Да я понял, понял, ну это всего по Гангу Топоров. А непосредственно в Голубом доме?

– Да девочек тридцать, не больше. Но ты это... Губу то не раскатывай. Таких как я, которых за пределы дома выпускают без цепи на ноге, нас только пятеро. Мы работаем на рынке, преимущественно здесь, в кафе. Ещё примерно с десятков обслуживают исключительно самого Синоду Шедоши – типа его старпёрский гарем. Там вообще абзац – есть две кинодивы, актрисы с топовых дорам, телеведущая с центрального канала, блогерша-стоимиллионница, кей-поп-солистки, ну и остальные, сука, модные модели. Из агентств, работавших раньше на Диор, Армани, «хуяни» и прочих.

– Ага. То есть Шедоши ещё бодрый старичок?

– Да куда там. Понты одни. Хер скромный и не стоит. Я видела. Точнее – работала. А девок этих держит для престижа. А может, для обмена хранит, звёзды же. Бэст оф-зе-бест оф-зе-бест.

– А что означает «Ш»? Ну, в клейме «Джессика С971Ш» последней идёт буква «Ш».

– «Slut», «шлюха».

– Вот так вот просто?

– Ну а чё? Пацаны у нас простые, кондовые. У тебя же в удостоверении что написано?

– «Т», видимо «торговец».

– Ну и вот. – Джесс развела руками. – Как видишь, топоры не заморачиваются. Чем проще, тем, сука, искренней.

– Ага, я понял. Короче, вас там в Голубом доме тридцать девчонок. Десять на самого Синоду Шедоши. Итого остаётся двадцать. Слушай, а сколько самих Топоров в Голубом Доме?

– А тебе то что с того?

– Да просто интересно соотношение мальчик-девочка.

– Ну, около ста двадцати.

– Фигассе! И как же вы их обслуживаете в двадцатером то?

– Ну, жить захочешь и не так раскорячишься, знаешь ли... Слушай, тема какая-то у нас... не хочу это обсуждать.

– Хорошо, давай не будем. Один только вопрос: почему из двадцати рабынь на рынок в кафе выпускают только пятерых?

– Да простой ответ то. Мы пятеро – проверенные рабыни. Адекватные. Синода знает, что мы не убежим.

– Интересное кино. Насколько я понял, обходятся тут с вами просто по-конски. Почему ты не сбежишь?

– А куда? Здесь в Ганге Топоров меня знают. Многие бойцы меня ценят. Живу впроголодь, но умереть от голода мне тут точно не дадут. Хоть крошку со стола да подкинут. Уж больно клиентура у меня среди Топоров «привязанная». А там, за пределами центрального квартала, что меня ждёт? Я много общалась с торговцами, которые приходят на рынок, и отлично знаю, что в целом творится в Мегалополисе. Везде – одна и та же херня. Везде – такие же ганги. Только более слабые, чем Топоры. Значит, менее сытые. Сбежать отсюда – значит просто попасть в лапы к другому гангу. И пройти через тот же ад, через который я уже прошла здесь. Только заново.

Джесс поёжилась.

– Нет уж, ещё раз я такого не переживу.

– То есть тебя сейчас всё устраивает?

Джесс посмотрела на него как на идиота.

– Ладно, – сказала она. – Ты прости меня, конечно, ты хороший, щедрый. Но уж болтливый какой-то. Пойдём ка в фургончик? И я покажу тебе, что я не динамо.

– А давай, – соглашаясь, пожал плечами Рик.

ПУЛЯ 3. МИФЫ МЕГАПОЛИСА

Оказавшись перед входом в «комнату для случаев», Джесси открыла ключом тяжёлую дверь и пригласила Рика в тёмную комнату. Рик ожидал всего и крепко сжимал нож, спрятанный внутри бокового кармана брюк в специально вшитой туда Кити скрытой портупей. Комната была тёмной, но неприятных сюрпризов там Рика не ждало. Скорее наоборот.

Оказавшись в комнате, Джесси быстро скинула с себя «простынное сари». Теперь абсолютно голая и босая она чиркнула спичкой и вскоре масляная лампа осветила комнату. Коробочек спичек Джесси аккуратно положила в пластиковый мешочек, чтобы они оставались сухими. После этого в мерцающем свете масляной лампы, огонь которой чуть колебался от лёгкого движения воздуха внутри комнаты, Джесси села на кровать и широко раздвинула ноги.

Мягкий свет лампы скользил по её коже, подчёркивая каждый изгиб, каждую линию её безупречного тела. Джесси сидела, откинувшись слегка назад, опираясь на ладони, и смотрела на Рика томным, обещающим взглядом. Её грудь, полная и упругая, слегка приподнималась с каждым вдохом, а соски, твёрдые от прохлады комнаты или от чего-то ещё, казались такими же розовыми, как медленно умирающий над Мегалополисом кровавый закат. Она медленно провела ладонью по своему бедру, подчёркивая плавность движений, словно давая ему время рассмотреть каждый дюйм своей наготы. Её ноги были широко расставлены, и в мерцающем свете огня Рик мог разглядеть мягкую тень между ними – манящую, влажную, словно оазис в пустыне.

– Ну что, ковбой... – её голос был низким, чуть хриловатым, как шелест песка по металлу. – Ты ведь не просто так пришёл сюда, правда?

Это был спектакль. Давно отработанный и отрепетированный профессионалкой.

Её пальцы скользнули вверх по животу, лаская собственную кожу, а затем одна рука опустилась меж ног, но не для того, чтобы прикрыться, а чтобы слегка коснуться, показать, насколько она уже готова.

– Или тебе нужно ещё немного... убеждения? – Она прикусила нижнюю губу, а её бедра немного сдвинулись, будто в притворном смущении.

Воздух в комнате казался густым, наполненным её ароматом – смесью пота, кожи и чего-то сладкого, как спелый плод. Рик чувствовал, что его собственное тело с восторгом отзывается на эту игру, но Джесси не торопилась. Она наслаждалась моментом, зная, что каждый её жест, каждый вздох – это петля, затягивающаяся вокруг его шеи.

– Подойди, – прошептала она, и в её глазах вспыхнул огонь, похожий на тот, что плясал в лампе. – Или мне придется... убедить тебя самой?

Мягкий свет дрожал на её коже, словно живое золото, стекая по изгибам бёдер, подчёркивая каждый вздох, каждое движение. Видя, что он медлит, Джесси поднялась с кровати, медленно, словно давая ему время передумать, но Рик так и не двинулся к ней.

Тогда она шагнула к мужчине сама. Голая, уверенная, прекрасная в своей дерзости.

Она подошла вплотную, подняла ножку, опутав обнажённым телом, крепко прижала к себе и потянулась к губами.

Рик стиснул зубы.

Его тело предательски отвечало на эти прикосновения – член стоял колом, вздыбив штаны и упираясь в её голый животик, словно готовый выстрелить Кольт Питон.

Но буквально ломая своё желание, Рик отвернул от неё лицо.

– Но ... ты же хочешь... – запнулась Джесси, чувствуя его твёрдый как камень орган плотно прижавшимся телом. Её губы почти касались его уха. Её дыхание почти обжигало кожу

– И ты меня накормил... Что не так?

«Мисс Мэри... Кити... – пронеслось в голове у Рика словно удар хлыста – Нет... Нет, никогда!»

– Прости... – произнёс он вслух.

Потом осторожно отодвинул Джесси руками, стараясь не смотреть вниз, где её нагота все ещё манила его.

Обошёл её и сел на кровать. Член, явно оскорблённый столь жёстким пренебрежением физиологией, стал медленно опадать.

Джесси замерла на мгновение, затем, не спеша, подобрала с пола простыню и снова обернула ею тело. Но даже теперь, укрытая тканью, она выглядела опасно соблазнительной – плечи обнажены, губы слегка приоткрыты, взгляд влажный, томный, будто заряженный статическим электричеством.

– Ясно... – прошептала она потупившись, но затем внезапно подняла глаза. – Послушай... Неужели она и правда настолько особенная?

Рик вздрогнул.

– Кто?.. – Та самая. Из-за которой ты готов отказаться даже от такого. – Джесси обвела пространство рукой, указывая на кровать, на себя, на всю эту комнату, пропитанную желанием.

Рик не ответил. – О, даже не спорь, – она усмехнулась, но в голосе не было злости. – Я вижу таких как ты каждый день. Не тех, кто пришёл за сексом. А тех, кто жаждет любви.

Рик молчал.

– Она счастливица, – Джесси наклонилась вперед, и в её глазах вспыхнуло что-то странное – не зависть и не обида, а... абсолютный восторг. – Ты хороший, Рик. Настолько хороший, что она будет только твоей. И она знает это, поверь. Что ей нужен – только ты!

Тишина повисла меж ними, нарушаемая лишь потрескиванием фитиля в лампе.

– Знаешь... – наконец проговорил он. – Ты тоже очень хорошая.

– Я супная проститутка всего лишь, – она рассмеялась, но смех звучал горько.

– Это ничего не меняет.

Они сидели так ещё мгновение, пока тени на стенах медленно колыхались, будто живые. И Рик решил рискнуть.

– Помнишь там, в кафе ты говорила, что не можешь отсюда сбежать? – внезапно напомнил он. – Что везде в Мегалополисе правят такие же Ганги и те же правила? И если сбежать отсюда, то другом Ганге придётся пройти тот же путь, рискуя своей головой?

Джесси насторожилась.

– А если я скажу тебе, что есть место, где тебя ждут не как рабыню? – продолжил Рик – Где ты сможешь быть не телом для похоти, а Бойцом? Свободным и равным, как остальные?

Она замерла, изучая его лицо.

– Ты говоришь, как сумасшедший, – с сомнением сказала она. – Никогда не слышала про Ганги где есть девочки-бойцы. Нам знаешь ли сложно тягаться с мужиками в драке на топорах.

– В моём ганге – есть!

– И как же называется твой сказочный ганг?

Рик глубоко вдохнул.

– У него пока нет названия. Но ты его точно знаешь. Ганг-с-кольтом-Питоном. Слышала о таком?

Джесси резко откинулась назад чтобы взглянуть в его лицо, глаза её расширились.

– Ты... Ты серьёзно? Все знают, что убийца с кольтом Питоном мочит бандитов по всему Мегалополису. И это просто скрытые разборки гангов, которые не хотят афишировать перед юнгвами свою тайную войну. Неужели...

Она замерла, переваривая его слова.

– Всё это слухи, Джесси. – Голос Рика стал жёстким, как сталь – Это наш собственный ганг. И мы убиваем бандитов вовсе не по заказу одних гангстеров чтобы убивать других гангстеров. Мы – вырезаем людоедов! Ты хочешь быть с нами?

Джесси тихо кивнула.

– Тогда расскажи мне о Голубом доме. Расскажи всё, что ты знаешь!

Нора «робингулов»

Сутки до предшествующих событий.

Рано утром, когда в падшем Мегаполисе первые лучи солнца ещё только пробивались сквозь плотные слои смога, Кити спала, уткнувшись лицом в подушку. Её дыхание было ровным, почти неслышным, а антрацитовые пряди волос рассыпались по простыне, словно языки чёрного пламени на бледном белом полотне.

Она казалась такой незащищённой в этом полусвете, такой хрупкой, что Рик, глядя на неё, почувствовал, как в груди снова, как ночью, сжимается что-то тёплое и щемящее. Он не хотел её будить – пусть спит, пусть хотя бы во сне найдёт покой, которого так не хватало им обоим в окружающем жестоком мире.

Осторожно, словно боясь разбить хрупкое стекло тишины, он приподнял одеяло и выскользнул из постели. Пол был холодным, но Рик даже не вздрогнул – привык. На цыпочках, словно тень, он пересёк комнату, в последний раз обернувшись на спящую подругу. В её чертах было что-то детское, что-то такое, что заставляло его сердце биться чаще. Спираль винтовой лестницы вилась под перед ним, каждый шаг отдавался глухим стуком в тишине, каждый поворот вводил всё дальше от мягкой и нежной Кити.

Обычно восхождение с нижних ярусов Океанариума вверх давило на грудь Рика тяжестью дурного предчувствия, заставляя плечи сжиматься в ожидании удара, будто он покидал родной и уютный дом, чтобы нырнуть в зло и хаос нового, ужасного мира после Пробуждения, но сегодня...

Сегодня Рик чувствовал себя лёгким, почти невесомым, будто крылья за спиной несли его вверх, к свету, к ветру, к солнечному рассвету. Воздух вокруг будто потерял свою плотность, ступени уплывали из-под ног сами, а в груди бурлило что-то светлое и пьянящее, как первый глоток вина после долгого поста. Сама тьма, обычно цеплявшаяся за его пятки, наконец отпустила. Впереди, за герметичным люком выхода из Норы, там, где чернота переходила в мутный рассветный сумрак, Рика ждала свобода – настоящая, осязаемая, пахнущая радостью и чем-то невозможным, что он давно перестал себе позволять.

Но свобода оказалась обманчивой. Едва он выбрался из убежища «робингулов» и сделал несколько шагов в сторону пустынных улиц Мегаполиса, как холодный ветер впился в его кожу, заставив содрогнуться. Рассвет ударил в глаза ослепительным лезвием, разящим и беспощадным. Золотой свет заливал все вокруг, намеренно стирая очертания мира, словно сама природа пыталась что-то скрыть – или, быть может, что-то показать. Он зажмурился, подняв руку к глазам, и в этот миг – в этот ослепляющий, болезненный миг – мир будто затаил дыхание.

А потом... Потом он увидел её.

Мисс Мэри.

Блондинка стояла у подножия Юксам-билдинг неподвижно, как призрак, вызванный самим этим жестоким светом. Её силуэт, хрупкий и в то же время незыблемый и высокий, казалось, был вырезан из утреннего тумана – нереальный, почти прозрачный, но в то же время более живой, чем всё вокруг.

Тонкая, как тростинка, закутанная в выцветший плед, который когда-то, возможно, был ярким, но теперь напоминал лишь бледное воспоминание о погибшем мире ярких оттенков. Ветер шевелил неровные края пледа и трепал её волосы. В этом движении было что-то неземное – словно мисс Мэри вот-вот растворится в ослепительном утре, унесётся вместе с последними тенями ночи. Девушка казалась очень маленькой на фоне руин громадного здания – одинокой, потерянной, почти прозрачной.

Рик замер. Он не планировал этого. Не думал подходить. Но что-то внутри него дрогнуло – может, память о том, как сам мёрз во время таких же рассветов, может, внезапное понимание,

насколько они с ней очень похожи. Рик смело шагнул вперёд. И вдруг – совсем неожиданно для себя – прикрыл её своим телом от ветра.

Мисс Мэри вздрогнула, резко отпрянула, глаза её расширились от испуга. Но в его жесте не было ничего, кроме тихой, почти братской заботы. Он не сжимал её, не пытался притянуть к себе – лишь встал так, чтобы своим широким и сильным телом принять на себя удары холодного воздуха, словно щитом.

– Ты так замёрзнешь, – прошептал он, и слова его растворились в утреннем воздухе.

Она не ответила. Но через мгновение её плечи слегка расслабились, и мисс Мэри не отстранилась, когда Рик осторожно, как драгоценность, притянул её ближе.

Так они и стояли – две одинокие фигуры в огненном мареве, почти сливаясь в одно целое. Может, для постороннего глаза они выглядели бы странно – два теневых существа, прижавшихся друг к другу, будто пытаясь спрятаться от пробуждающегося холодного Мегалополиса. Но здесь, в этом пустынном квартале, не было никого, кто мог бы их осудить.

Только ветер. Только холод. Только тихое, едва уловимое дыхание двух живых. И, может, в этом мгновении было что-то более древнее, чем они сами – что-то из забытых рыцарских романов, где защита слабого была не долгом, а движением души.

Южный горизонт пылал.

Солнце, поднимаясь над руинами Мегалополиса, зажигало в разбитых окнах разрушенных небоскрёбов тысячи алых отблесков. Они смешивались с золотыми слоями Кёнсана.

Казалось, город купался в золоте и в крови.

Воздух был прозрачным, почти хрустальным, и в этой хрупкой ясности руины казались ещё страшнее – слишком чёткими, слишком реальными.

– Красиво, – сказала мисс Мэри охватывая взглядом невероятный пейзаж и сжимая его ладонь своими невесомыми пальчиками. – И отвратительно одновременно! Как фон с потрясающей рок-балладе. Я до сих пор не могу поверить, что всё это случилось с нашим Мегалополисом. Тридцать лет прошли как мгновение. Здесь, в этом странном будущем я нахожусь всего лишь четыре дня. Представляешь, всего лишь пять дней назад по собственным ощущениям я в этом городе ходила по невероятно роскошным магазинам, пила восхитительный кофе в уютных кофейнях с самыми дружелюбными и умелыми барриста в мире. Да и Юксам-Билдинг стоял. Помню, в день перед катастрофой я как раз проезжала мимо этого чудесного места на такси с очень милым водителем, смеясь над какой-то шуткой. А сейчас ... сейчас тут рыскают ловцы мяса!

– Мы все в таком положении – тихо произнёс Рик, наклоняясь к её волосам и вдыхая дурманящий запах Мэри. – Для большинства прошло не четыре дня, а два месяца. Но разве это что-то меняет? Большая часть сеульцев два месяца назад – как и ты – ходила по магазинам и сидела в кофейнях. А эти разрушенные небоскрёбы... Мисс Мэри чуть обернулась и посмотрела ему в глаза.

– Меня беспокоят вовсе не небоскрёбы, Рики, – вдруг встрепенулась она. – Самый большой контраст между старым и новым миром – он не в руинах. Он в изменении душ! Милый водитель такси. Предупредительный барриста в кофейне. Изящная продавщица из бутика и... поедатели человек. Откуда они взялись на этих улицах вежливых, прекрасных людей? Я всегда считала жителей Мегалополиса самыми добрыми существами в мире. Инопланетянами, помешанными на традициях, на своей работе, на своей семье. Куда это делось? Как могли столь очаровательные люди, стать теми, кто сейчас живёт в Мегалополисе?

– Чудовищами? – горько усмехнулся Рик.

Пальцы Мэри впились в ткань плеча.

– Чудовищами, – как эхо повторила мисс Мэри.

Тишина повисла меж ними, густая, как смог.

– Ну... после Анабиоза наступил полных хаос, – худое лицо Рика, освещённое багровым светом, сейчас казалось вырезанным из старого дерева. – И знаешь... пробудившиеся занялись кто чем. Кто-то объединялся в ганги, кто-то искал близких, кто-то делал оружие и так далее. Но всё это было не важно как выяснилось вскоре. Важным было только одно: в городе где нечего было есть – пробудилось одиннадцать миллионов ртов...

Нижний край солнца в этот момент оторвался от горизонта – и они с Мэри вдруг разомкнули объятия, словно бы по сигналу. Момент волшебства прошёл.

– Что ж, – вздохнул Рики с горечью. – Я расскажу тебе, что случилось за эти два месяца.

ПУЛЯ 4. ВСЕ КРАСКИ ФЛАГА

– По моему личному, никому не нужному мнению, – начал Рик, и голос его звучал устало, – главная трагедия Мегалописа крылась именно в том, о чём ты говоришь, – в пресловутой корейской «социализации». В первые дни после Пробуждения... люди, ещё не опомнившиеся от ошеломляющего чуда воскрешения, с трогательной, почти детской доверчивостью несли свои скудные запасы в «общественные кассы». Их руки дрожали не от жадности, а от надежды – наивной, светлой, обречённой на горький крах... Если бы каждый вцепился в свой кусок, заперся за крепкими дверями и дрался за еду насмерть, – тогда бы выжило больше. Безумный, прекрасный, роковой порыв... слепая вера в единство, ставшая для нас ядом.

Рик провёл ладонью по лицу, стирая невидимую пелену почти физической боли.

Рик замолчал, глядя поверх лица Мэри, будто видел там те самые роковые дни. – Четырнадцать дней. В первые четырнадцать дней после Пробуждения, в городе царил идеальный порядок. Четырнадцать дней – за которые ни один человек не умер от голода или насилия. И... четырнадцать дней – за который одиннадцать миллионов ртов съели всё. До последней крошки...

– И вот на утро пятнадцатого дня... муниципальные власти, не привыкшие не лгать своему населению, – голос рассказчика на секунду прервался, будто Рик был не в силах выдать следующие слова, – собрали народ в скверах и на площадях, чтобы рассказать правду. Всю. Без утайки. О полном отсутствии запасов. А дальше... дальше был настоящий взрыв. Бесконечная, накрывшая город многомиллионная волна самоубийств. И дикая, беспощадная резня между теми, кто решил выжить.

Рик прикрыл глаза и в этот момент ему показалось, что он снова видит всё это – как по улицам, подобно призракам ада, бегут первые сумасшедшие, как загорается багровое зарево первых пожаров, как лица добрых и светлых людей, ещё вчера улыбававшихся друг другу, вдруг искажаются ненавистью и злобой.

– Власть пала за несколько часов, – продолжал Рик, не поднимая век. – Районы превратились в воюющие, истекающие кровью бесчинствующие банды. Но всё это было уже бесполезно. Еды, которую могли бы делить выжившие, убивая друг друга – больше не было. Вообще.

Тишина, наступившая после этих слов, была густой и почти осязаемой, как муар страха над руинами падшей цивилизации.

– Ты ведь понимаешь, – медленно выдохнул Рик, – Сеул никогда не был городом, где можно ловить рыбу или охотиться на животных – даже после тридцати лет запустения. Слишком много асфальта, слишком много бетона, слишком много стекла и стали, слишком мало открытой земли. Но главное – слишком много голодных ртов на слишком маленькой территории! Охота, рыбалка и собирательство не могли спасти Мегалопис... Поэтому уже на шестнадцатый день были зафиксированы первые случаи каннибализма. Люди – переступили черту.

– С ней понятно, – мисс Мэри поёжилась как от холода. Глаза Рика открылись, но теперь, обычно живые и яркие, они казались мутными и пустыми. – Первых поймали. Казнили. – Голос его стал тише. – Но это не помогло. Волна насилия нарастала как вспышка... На самом деле, нормальных людей, отказавшихся есть себе подобных, оказалось большинство. И это стало второй трагедией Мегалописа. Именно отвращение к каннибализму в условиях абсолютного отсутствия в городе иной еды, привело к тому, что всё «адекватное» население – сохранившее отвращение к человечине – скончалось в следующие тридцать дней. Скончалось элементарно – от истощения. Ибо в городе, в котором нет пищи, люди, отказавшиеся есть людей, могли только умереть! – Негативный отбор? – прошептала мисс Мэри, и собственные слова обожгли ей губы. – В точку, – запросто кивнул Рик. – Твой «милый бариста», твой «таксист-шутник»...

– он развёл руками в жесте, полном безнадёжности, – либо стали убийцами, либо умерли сами. Выбор был однозначен. И альтернатив не имелось... Ну а «милая продавщица из бутика»...

– И всё же, – Рики сделал паузу, и в этой паузе слышалось что-то почти исповедальное, – в том что произошло в Мегополисе, есть одна странность... Нелепость, если вдуматься. – Он снова провёл рукой по покрытому юношеской щетиной подбородку и продолжил, тщательно подбирая слова. – Подумай: Сеул всегда был по сути «фронтным» поселением, ибо от границы с КНДР нас отделяет лишь сотня миль. А значит, количество пищи в городе – огромном и приграничном городе – должно быть невероятным, рассчитанным вовсе не на четырнадцать дней. И основные запасы продовольствия Мегополиса – должны были находиться вовсе не в подвалах частных домов, не в продуктовых магазинах муниципалитета и даже не на оптовых складах торговых компаний!

Голос Рика звучал теперь с особой, почти болезненной убеждённой человека, слишком долго размышлявшего над загадкой.

– Консервы. Зерно. Мясо глубокой заморозки. Мука. Соль. Сахар. Всё это десятилетиями копилось в подземных бункерах Министерства Гражданской обороны Кореи, способных пережить даже ядерный удар! Эти гигантские склады были способны существовать автономно – без электричества и рефрижераторов, недоступные гниению и грызунам, – чтобы обеспечить нужды армии и укрывшихся в подземельях жителей в течение нескольких лет! И уж они то во время Анабиоза должны были точно уцелеть. Голод мог бы грозить абсолютно любой стране на этой планете: Китаю, Японии, Малайзии, Филиппинам, Вьетнаму... Но не Корею, где почти полвека готовились к блокаде поставок в случае вторжения северян!

Мисс Мэри молчала, но в её глазах уже читалось понимание – медленное, леденящее.

– И тогда где же всё это? – спросила она, проглотив подкативший к горлу комок.

– А ты не догадываешься? – выдал из себя Рик. – Крупнейший вооружённой силой в окрестностях Сеула на протяжении многих лет после гражданской войны 50-х годов XX века, была база Кэмп-Грей, с солдатами США. Очнувшись от Анабиоза в чужой стране, не имея связи с родиной, не зная местного языка, янки просто сделали то, что на их месте, вероятно, сделал бы кто угодно другой – хоть русские, хоть китайцы.

Пальцы Рика непроизвольно сжались, словно хотели схватить кого-то за горло.

– Они немедленно, буквально на второй день после Пробуждения атаковали склады министерства Гражданской обороны Кореи и взяли под контроль все запасы «стратегического» продовольствия. Гигантские автономные хранилища, которые могли бы прокормить Мегополис, оказались отобраны у его жителей!

Он замолчал, давая мисс Мэри осознать масштаб этой катастрофы.

– Так что да... – слова Рика звучали как приговор. – Голод в Мегополисе – это не только трагедия. Это – преступление. Банальное воровство.

Последние слова повисли в воздухе, тяжёлые, как свинец.

– К чести сказать... – после некоторой паузы добавил Рик, и в его голосе прозвучала странная смесь восхищения с горечью, – американцам следует отдать должное. В Корею было расквартировано, насколько я помню из данных интернета до Анабиоза, почти полста тысяч американских солдат. Многие из них размещались не на базе Кэмп-Грей, а в других частях, разбросанных по корейским провинциям.

Голос Рика внезапно оживился, приобретя почти что театральную выразительность.

– И, представляешь? Юнговцы не бросили своих! Не жалея топлива, на немногочисленных уцелевших автомобилях, и, кажется, даже на вертолёте, неизвестно каким вывертом судьбы сохранившимся на одном из законсервированных ангаров, – Рик зажмурился, будто представляя эту картину, – Юнговцы обыскали весь юг страны и вытащили всех американцев, которых смогли отыскать. Буквально всех!

Мисс Мэри слушала, и по её лицу медленно расплзалась тень – сначала недоумения, потом гнева.

– К чести сказать? – её голос дрогнул, как натянутая струна. – Они же по твоим словам обрекли на смерть почти десять миллионов сеульцев! А могли бы их накормить, раз раз захваченные склады ломаются от зерна!

Но Рик лишь махнул рукой.

– Случилось то, что случилось, – его голос звучал плоско, без эмоций. – Юнг захватил власть. Сначала над Базой. Потом над складами. А затем, с помощью этих безотказных инструментов – оружия и еды, с подчинил себе дикие ганги, едва сформировавшиеся к этому моменту на трупе гниющего Мегалополиса.

– Но подожди... – мисс Мэри задумалась, – вы часто называете Юнга «колонелем». Это значит, что он всего лишь полковник. Неужели на пятьдесят тысяч военнослужащих не нашлось более старшего по званию?

Губы Рика растянулись в чём-то среднем между улыбкой и гримасой.

– А ты думаешь после Апокалипсиса звёзды на погонах имели какое-то значение?

– Полагаешь, он прикончил всех старших по званию?

Рик сухо усмехнулся.

– Я полагаю, – он наклонился вперёд, и в его глазах вспыхнул опасный огонь, – что полковник Юнг проявил качества настоящего лидера. Продемонстрировал в экстремальных условиях впечатляющие волю и харизму, трезвомыслие и решительность. Проявил себя великолепным тактиком и стратегом. Возможно, его просто выбрали в качестве лидера другие офицеры. Возможно всё. Но важно только одно – он стал властителем Коридора и Мегалополиса!

Мисс Мэри вскинула брови:

– А как же клан Топоров? Как Синода Шедоши? Ведь это его называют некоронованным королём Сеула?

– Некоронованным королём? – Рик перебил её, и в его голосе звучала насмешка. – Ну, если Шедоши король, то Юнг, судя по всему, император или вообще языческий божок... – съязвил он. – Да тут всё просто, мисс Мэри. Юнг выделил среди «боссов гангов» явного лидера и поручил ему «сбор налогов». Так в Мегалополисе и появился так называемый «босс всех боссов гангов Сеула». Благодаря своему процветавшему после пробуждения «ремеслу», первым среди равных стал бывший владелец мясного рынка – старик Синода Шедоши. Шедоши заключил с полковником сделку – поставки рабов в обмен на зерно, одежду и прочие уникальные предметы, хранившиеся в Кэмп-Грей.

В глазах Рика мелькнула тень.

– Теперь понимаешь? – его голос стал тише, но от того лишь ужаснее. – Наша экономика это охота и собирательство. Ганги «охотятся» на людей и «собирают» в развалинах уцелевшие изделия из старого мира. Потом продают это Юнгу – за зерно, соль, сахар, обувь и одежду, сохранившиеся на складах. Это – замена промышленному производству прошлого. Мы – ничего не создаём и не перерабатываем. Ведь единственным продуктом, который могут «добывать» люди в Мегалополисе для потребления или обмена с Юнгом, – Рик с ненавистью сжал кулаки, – являются сами люди!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.